

ПЕТЕРБУРГСКИЕ БЕЛЫЕ НОЧИ (БЫЛЬ И МИФ)

Альбин Конечный

В 1922 г. Н. П. Анциферов ввел понятие “душа города”: “В каком смысле можно говорить о душе города? Исторически *проявляющееся единство* всех сторон его жизни (сил природы, быта населения, его роста и характера его архитектурного пейзажа, его участие в общей жизни страны, духовное бытие его граждан) и составляет душу города”, отмечая при этом, что “познание внешнего облика города” — путь “к постижению его души”.¹

Ставя на первое место фактор “сил природы”, исследователь утверждает: “Город мы воспринимаем в связи с природой, которая кладет на него свой отпечаток <...> Большое значение для одухотворения города имеет *природа*. Смена дня и ночи заставляет чувствовать органическое участие города в жизни природы. Утро убирает его часто перламутровой тканью туманов, пронизанных солнечными лучами. Вечер набрасывает на него кроваво-блещущий покров... И белая ночь наполняет его своими чарами, делает Петербург самым фантастическим из всех городов мира (Достоевский). Мистерия времен года, породившая мифы всех народов, превращает самый город в какое-то мифическое существо”.²

Нева оказала воздействие не только на формирование архитектурного пейзажа города, но и на повседневную жизнь его обитателей. “В нашей жизни Нева играла большую роль, и день наш располагался по ее норову, — свидетельствует граф В. А. Соллогуб. — То развернется она белою сахарною степью, и по ней играют лучи зимнего солнца. Это обозначало: дети, идите гулять. То вдруг прозрачная лазурная высь начинает

¹ Анциферов Н. П. Душа Петербурга // Он же. “Непостижимый город...”. Ленинград 1991, с. 48.

² Там же, с. 29, 42.

туманиться быстро бегающими сизыми валунами, разрывающимися в лохмотья. Ветер стучится в окна и воет в печные трубы. Белыми бархатными пауками спускается на белую равнину густая рассыпчатая занавесь. Вдруг все завертелось, закружилось сверху вниз, снизу вверх. На Неве разыгралась метель. Дети, сидите дома! Зато в светлые, как день, весенние ночи каким очарованием дышала Нева! Влажное и неподвижное ее зеркало, широко обрамленное дремлющими и в воде отражающимися зданиями, далеко и спокойно тянулось к заливу, сливаясь с сонно-безмолвным и гладко-ровным небосклоном. Много видал я впоследствии и рек, и морей, и гор бело-вершинных, и степей беспредельных. Ничто никогда не внушало мне такого привольного чувства, как затишье Невы в весеннюю ночь. И теперь не могу глядеть на него без задумчивого наслаждения. Часто приходит мне на ум Нева, дремлющая в огненных отливах солнечного заката. Еще чаще вижу я ее сизо-серую, как сталь, подернутую зыбью под серыми тучами, между гранитом набережных и суровых стен Петропавловской крепости. И с ужасом припоминаю я, как однажды река перестала быть рекою и обратилась в море бешенное, разъяренное, смывающее Петербург с лица земли. Это было 7 ноября 1824 года”.³

С Невой связаны и различные праздники: петровские торжества на реке, масленичные гулянья, день Богоявления (Крещение; 6 января) и Преполовения (вскрытие реки от льда и начало навигации), рекостав (замерзание реки).⁴ Нева стала неизменным атрибутом белых ночей, первые описания которых встречаются у иностранцев, посетивших новую столицу. “Самым любопытным из виденного мною был путь и обращение солнца, – свидетельствует немецкий путешественник, посетивший Петербург в 1710-1711 гг. – Ибо я наряду со многими другими иностранцами и приезжими наблюдал, как солнце в июне и в июле не заходило, разве только в продолжение получаса бывали сумерки, так что я и ночью, и днем совершенно свободно и ясно мог читать и писать все, что угодно. И часто совершенно доподлинно видел, как солнце удивительным образом в полуночное время между 11, 12 и 1 часом лишь ненадолго заходило на востоке у горизонта, или края земного шара, так что мне казалось будто для человеческого глаза от момента его захода ненадолго и до момента нового полного восхода оно проходило только шагов 200”.⁵

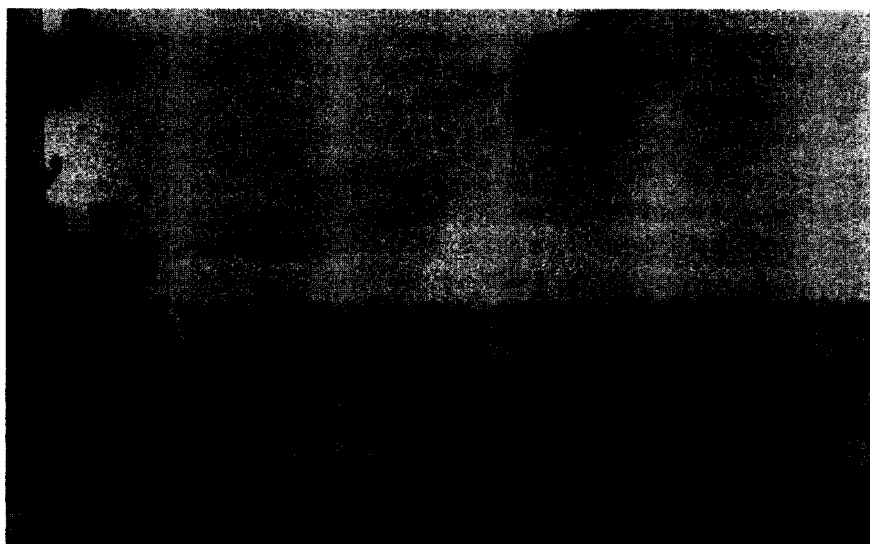
³ Воспоминания графа Владимира Соллогуба. СПб. 1887, с. 39-40.

⁴ Подробнее см. нашу вступительную статью к изданию: Быль и миф Невы: А. С. Пушкин. Медный всадник. А. С. Чежин. Фотографии. СПб., Издательство Ивана Лимбаха, 1999, с. VII-XI.

⁵ Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л. 1991, с. 59.

“Примечательно, что в два летних месяца солнце почти не заходит, а бывают только, так сказать, вечерние сумерки, когда люди хотя и лишены на три часа настоящего солнечного света, но все же небо остается светлым достаточно, чтобы всю ночь можно было совершенно свободно читать и писать, – вспоминает гоноверский резидент в Петербурге (в 1714-1717 гг.) Ф.-Х. Вебер. – Я часто с удивлением замечал, что по утрам через час или два после восхода солнца на улицах еще не было ни единого человека и даже не открывалась ни одна дверь или окно, а все люди еще были погружены в сон. Зимой же, напротив, дни так коротки, что от них мало радости; солнце видишь не больше трех часов, да и то очень редко из-за тумана и испарений, которыми воздух над землей так насыщен, что зиму с полным основанием можно назвать долгой ночью, а зимние дни — постоянными сумерками”.⁶

Итальянский поэт и драматург Витторио Альфиери (1749-1803) советовал: в белые ночи “я чувствовал тоску от этого постоянного печального дневного света и совершенно не помнил какой был день недели”.⁷

Праздник Крещения на Неве. Рисунок М. Воробьева. 1810-е гг.

⁶ Там же, с. 121.

⁷ Жизнь Витторио Альфиери из Асти, рассказанная им самим. М. 1904, с. 10.

“Выспавшись хорошо, я несколько удивился, замечая, что еще ночь. Я снова засыпаю и просыпаюсь при солнечном свете. – Казанова признается, что он впервые в жизни потерял день для своих приключений, проспав тридцать часов. – Был тогда конец мая, а в это время года в Петербурге не бывает ночи. В полночь отлично можно читать письмо без помощи свечки. Великолепно, не правда ли?”.⁸

Маркиз де Кюстин, приближаясь к Петербург на пароходе в 1839 г., отмечал: “Здесь серая земля вполне достойна бледного солнца, которое ее освещает. В России ночи поражают своим почти дневным светом, зато дни угнетают своей мрачностью”.⁹ В отеле, где он остановился: “Нигде на окнах не было ни портьер, ни штор, ни жалюзи, и это при солнце, которое здесь теперь в течение чуть ли не 22-х часов в сутки не сходит с горизонта и косые лучи которого достигают отдаленнейших углов комнаты”.¹⁰

Белые ночи поразили Кюстина впервые в Зимнем дворце, где он во время бала был представлен императору:

Я хочу еще упомянуть о том, что доставило мне на этом балу неожиданное удовольствие и что осталось совершенно незамеченным всеми остальными: я говорю о том впечатлении, которое произвели на меня величественные явления северной природы. Днем температура воздуха достигала 30 градусов и, несмотря на вечернюю прохладу, атмосфера во дворце была душливая. Едва встав из-за стола, я поспешно направился в амбразуру открытого окна. Здесь я забыл обо всем окружающем и не мог оторваться от поразительных световых эффектов, которые можно наблюдать лишь на севере в волшебно-светлые полярные ночи. Гряды темных, густых облаков разделяли небо на отдельные зоны. Был первый час ночи. Ночи в Петербурге в это время уже начались, но были еще так коротки, что едва хватало времени их заметить, как на востоке появилась предрассветная заря. Дневной ветер улегся, и в прорывах между неподвижными облаками виднелось ослепительно белое небо, похожее на отдаленные друг от друга серебряные пластинки. Этот свет отражался на поверхности заснувшей в своих берегах Невы, лениво катившей светлые, будто молочные или перламутровые воды.

Перед моими глазами расстилалась большая часть Петербурга с его набережными, церквами и колокольнями. Краски этой картины были неопишуты. Остатки погашенной утренней зарей иллюминации еще светились под портиком биржи, здания в греческом стиле, с театральной пом-

⁸ Казанова. Мемуары. СПб. 1887, с. 212, 216.

⁹ Кюстин. Николаевская Россия. М. 1990, с. 57.

¹⁰ Там же, с. 75.

пезностью обрамляющего остров, образуемый Невой в том месте, где она разделяется на два главных рукава. Освещенные колонны этого здания, неуместный стиль которого в этот час ночи и на отдельном расстоянии не так был заметен, отражались в белых водах Невы. Весь остальной город казался голубым, как даль в картинах старинных мастеров. Эта поистине фантастическая картина города в ультрамариновых тонах, обрамленная золоченым окном Зимнего дворца, создавала поразительный контраст со светом люстр и всей пышностью внутренней его обстановки. Казалось, будто весь город, небо, море, вся природа конкурируют с блеском Зимнего дворца и принимают участие в пышном празднестве.¹¹

Сегодня ночью я прощался с Петербургом. <...> В начале одиннадцатого я возвращался с Островов. В этот час город имеет необычайный вид, прелесть которого трудно передать словами. Дело не в красоте линий, потому что все кругом плоско и расплывчато. Очарование – в магии туманных северных ночей, в их светлом сиянии, полном величавой поэзии.

Со стороны заката все было погружено во тьму. Город черным, словно вырезанным из бумаги, силуэтом вырисовывался на белом фоне западного неба. Мерцающий свет зашедшего солнца еще долго горит на западе и освещает восточную часть города, изящные фасады которой выделяются на темном с этой стороны небе. Таким образом, на западе – город во мраке и светлое небо, на востоке – темное небо и горящие в отраженном свете здания. Этот контраст создает незабываемую картину. Медленное, едва заметное угасание света, словно борющегося с надвигающейся неумолимой темнотой, сообщает какое-то таинственное движение природе. Кажется, что едва выступающий над водами Невы город колеблется между небом и землей и готов вот-вот исчезнуть в пустоте.

Стоя посредине моста, переброшенного через Неву, я долго любовался этой красотой, стараясь запечатлеть в памяти все детали двух столь различных ликов белой петербургской ночи.¹²

Кузмин создает образ белых ночей в представлении иностранцев:

Лоренца долго не могла привыкнуть к петербургским белым ночам, она занавешивала тремя занавесками небольшие окна их квартиры близ Летнего сада, закрывалась с головою одеялом, даже прятала голову под подушку, напрасно: болезненная белизна, словно тонкий воздух или запах, проникала через все препятствия и томила душу, заставляла ныть сердце и кровь останавливаться.

– Ах, Александр, я не могу! – говорила графиня, – мы живем слишком близко к полюсу!

¹¹ Там же, с. 116.

¹² Там же, с. 208-209.

На Калиостро целодневное светило не производило такого болезненного впечатления; наоборот, эти ночи нравились ему и удивляли его, как и всё в этом странном городе. Ему даже казалось, что призрачный свет – самое подходящее освещение для призрачного плоского города, где полные воды Невы и каналов, широкие перспективы улиц, как реки, ровная зелень стриженных садов, низкое стеклянное небо и всегда чувствуемая близость болотного неподвижного моря – всё заставляет бояться, что вот пробьют часы, петух закричит, - и всё: и город, и река, и белоглазые люди исчезнут и обратятся в ровное водяное пространство, отражая желтизну ночного стеклянного неба. Все будет ровно, светло и сумрачно, как до сотворения мира, когда еще Дух не летал над бездной”.¹³

Немецких путешественников белые ночи удивляли тем, что можно было “свободно читать и писать”.¹⁴ Альфиери “чувствовал тоску от этого постоянного печального дневного света”. Лоренца не могла уснуть (Кюстин отмечает, что в домах окна на ночь не затемнялись) и “болезненная белизна, словно тонкий воздух или запах, проникала через все препятствия и томила душу, заставляла нить сердце и кровь останавливаться”. Кюстин был очарован “фантастической картиной города”, который “казался голубым, как даль в картинах старинных мастеров”.

Однако у Кюстина и Калиостро (опосредованное через Кузмина) проявляется бинарное восприятие белых ночей, характерное и для многих художественных текстов, – восхищение и ощущение угрозы зловещего пророчества “Петербургу быть пусту”:

Кажется, что едва выступающий над водами Невы город колеблется между небом и землей и готов вот-вот исчезнуть в пустоте (Кюстин);

Ему даже казалось <...> вот пробьют часы, петух закричит, – и все: и город, и река, и белоглазые люди исчезнут и обратятся в ровное водяное пространство <...> Все будет ровно, светло и сумрачно, как до сотворения мира, когда еще Дух не летал над бездной (Кузмин).

Вероятно, прогулки в белые ночи вошли в моду при Александре I, который любил прогуливаться по Английской набережной и летом, когда жил на Каменном острове, каждое утро ходил по берегу вдоль реки.

¹³ Кузмин М. А. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро // Он же. Избранные произведения, Л. 1990, с 455.

¹⁴ Это отмечали и историки города: “Лето бывает вообще весьма хорошее. Должайший оного день продолжается 18 часов и в сумерках прекрасных ночей можно читать без труда” (Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб. 1996, с. 40; впервые СПб. 1794).

Полилов приводит свидетельство иностранца о ночных гуляньях в Петербурге в 1810-х годах:

Интересны также ночные гулянья весною по Невскому, в обоих Летних садах и на бульварах, в настоящее время позабытых. Очевидец, итальянец, автор записок, рассказывает, что весною, между часом и двумя ночи, в вышеуказанных местах появлялись разряженные дамы и кавалеры из высшего общества, блестящие экипажи с шумом катились по мостовой, все скамьи на Невском, бульварах и садах были заняты. Светлая весенняя ночь давала возможность читать даже такие газеты, как напечатанные мелким шрифтом "Гамбургские ведомости". Подобное ночное чтение газет считалось хорошим тоном лучшего общества. Кондитерские и рестораны были в это время открыты, но согласно предписанию полиции огня в них не зажигалось. Около четырех часов начинался разъезд. Пожелав друг другу спокойной ночи, гуляющие разъезжались по домам.¹⁵

Уже в 1830-х годах путеводители по городу рекламировали для приезжих белые ночи как одну из достопримечательностей Северной Пальмиры. "Летние ночи петербургские очаровательны! Это не ночь, не день и не сумрак, а что-то среднее, какое-то таинственное смешение света и тени;¹⁶ ветер утихает, природа как будто покоится; воздух чист, легкий и прозрачен; вы можете читать книгу в продолжение целой ночи. Едва вечерняя заря угаснет на горизонте, и новая уже румянит противоположный край неба! Должайший день петербургский заключает в себе 18 часов 20 минут".¹⁷

¹⁵ Северцев (Полилов) Г. Т. С.-Петербург в начале XIX века // Исторический вестник. 1903. Т. 92. Май, с. 632-633.

¹⁶ Поделюсь своим наблюдением. Я приехал подростком в Петербург (еще Ленинград) с крайнего севера, где солнце не заходило за горизонт весной и летом, и какое-то время воспринимал здешние белые ночи как серые сумерки. Постепенно подпал под магию белых ночей и ежегодные весенние прогулки с близкими стали традицией и радостной потребностью. Однажды меня пригласил на спектакль кукол-марионеток известный режиссер Резо Габриадзе. Помимо самого спектакля, меня поразило необычайно красочный, какой-то волшебный вид кукольных платьев. Я спросил у Резо, как он добивается такого эффекта. Он ответил мне за кулисы и, показывая платья, сказал: "Я шью платья из старого материала (бархата и др.), который никогда не чищу. И вот эта пыль в складках и изношенная материя при определенной порции света и делает платья фантастическими". И я понял, что именно только определенная доза света превращает самые затертые и облупленные стены и разбитые дороги в мерцающие драгоценности.

¹⁷ Башуцкий А. П. Панорама Санктпетербурга. СПб. 1834. Ч. 2, с. 12.

“Но лучшим украшением здешнего лета его ночи, светлые, тихие, таинственная борьба света с мраком. Еще не успеет совершенно угаснуть вечерняя заря, как с другого края небосклона разливается свет томный, чуть брезжащий, осеребряя мало-помалу блестящие главы храмов и скользя на поверхности вод. Ежели вы не желаете читать книг в эти ночи, то идите на Дворцовую набережную, хоть к Летнему саду, прислушайтесь там к отдаленному городскому шуму, к резким звукам *шарманки*, мерным ударам весел плывущего ялика, посмотрите на противоположный берег Невы, объятый безмолвием, и вас ожидает очаровательная картина, какую могут дарить только летние петербургские ночи и расточительная природа в Крыму”.¹⁸

“Как широка, как величественна эта голубая Нева, окаймленная гранитом <...> Едва ли какая другая картина сравнится с тою, которую представляет нам наша державная Нева в хороший летний вечер, когда луна, взглянув сквозь темно-голубой покров небесного свода глядится в ее воды, тихие, зеркальные, отражающие в себе всю дивную красоту берегов, обставленных зданиями превосходной архитектуры, к которым привито так много высоких воспоминаний”.¹⁹

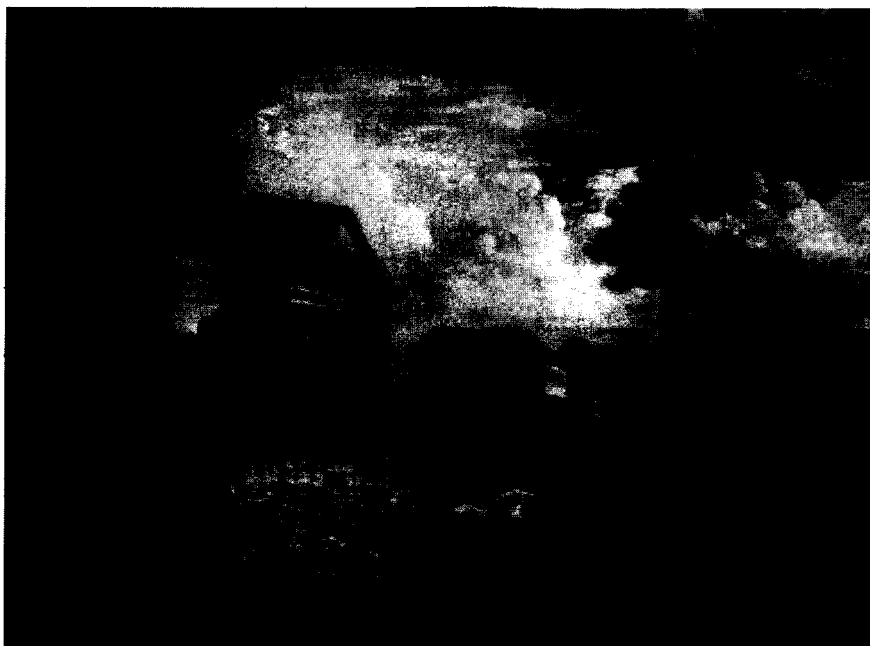
В 1844 г. Зотов в очерке “Заметки петербургского зеваки” писал: “Но бывает в Петербурге время, за которое можно простить ему и его мостовую, и дождь, и все. Ни под небом Италии, ни среди развалин Греции, ни в платановых рощах Индии, ни на льяносах Южной Америки не бывает таких ночей, как в нашем красивом Петербурге. Бездна поэтов описывала и восхваляла наши северные ночи, но выразить красоту их словами так же невозможно, как описать запах розы и дрожание струны, замирающей в воздухе. Не передать никакому поэту того невыразимого, таинственного молчания, полного мысли и жизни, которое ложится на тяжело дышащую Неву, после дневного зноя, при фосфорическом свете легких облаков и пурпурового заката. Не схватить никакому живописцу тех чудных красок и цветов, которые переливаются на небе, отражаются в реке, как на коже хамелеона, как в гранях хрусталя, как в поляризации света. Не переложить музыканту на земной язык *тех* глубоко проникнутых чувством звуков, поднимающихся от земли к небесам и снова, по отражении их небесами, падающих на землю. Высокою, неразгаданною поэмою оканчивается пошло-прозаический день Петербурга. Дышит чувством, теплым и обаятельным, роскошная ночь его. Что-то похожее на

¹⁸ Пушкирев И. И. Николаевский Петербург, СПб. 2000, с. 36.

¹⁹ Бурьянов В. Прогулка с детьми по С. Петербургу и его окрестностям. СПб. 1838. Ч. 1, с. 73-74.

мысль шевелится в голове, что-то близкое к чувству затеплится в сердце самого обыкновенного человека из человек, и с грустно-приятною мечтою задумывается о чем-то странном, непонятном, недосказанном бедный труженик, встречавший в течение скучного дня один низкий комизм, одну комическую низость. Забываются в эти ночи и отношения, и преферанс, и сплетни, и подлости, и скромный наблюдатель нравов много хорошего находит ночью в тех людях, в которых днем не видал ни искры теплого чувства, ни проблеска светлой мысли”.²⁰

Успенский в очерке “Нева” (1867) передает свое восторженное отношение к белым ночам: “Мы прежде всего обратим внимание на некоторые декорации, обставляющие в летнюю пору физиономию Невы. Перемена начнется с весны. Ладожские льдины пронеслись в море, настали белые ночи, и как похорошела Нева! Еще недавно, возвращаясь темным зимним вечером с Васильевского острова, вы были испуганы тем непроницаемым мраком, тою бездною, которая наступала на вас со стороны взморья, яркие газовые пучки Николаевского моста не в силах были разогнать хоть на аршин эту непроницаемую тьму <...> Но теперь белые петербургские ночи разогнали этот пугающий мрак и на Неве воцарилась

Неизвестный художник. Театральная площадь во время наводнения 1824 г.

²⁰ Петербург в русском очерке XIX века. Л. 1984, с. 70.

только красота... Часу во втором летней ночи она вся покрыта белым туманом, протянувшимся над ней в виде бесконечно длинной и бесконечно высокой горной цепи; гряда белых дымящихся гор заслонила собою все берега Невы, гордо какими-то прихотливо очерченными фигурами рвется на вершины громадных зданий набережной, и только высокие мачты бесчисленных кораблей высовывают свои острые вершины из этого, поглотившего всё, тумана. Где-то, в глубине белых гор, слышны крики людей, плещет одинокое весло, и вода, не умолкая, чмокает об гранитную набережную; но ни воды, ни весла, ни людей не видно... Туман. Вдруг загорелся первый луч солнца, загорелся шпиль Петропавловской церкви, сверкнув в тумане какою-то, упавшею с неба, золотою крапиною; в белой массе тумана сразу разлился какой-то розовый, или, вернее, перламутровый оттенок, и внутренность туманных гор озарилась чудным светом: глаз начинает различать кой-какие предметы, еще недавно погребенные туманом; вдали движутся барки, видны люди с шестами, видны мачты, паруса, натянутые веревки... Но все это еще не может явиться в своем настоящем виде, в своих действительных цветах: все это окрашено в тускло-перламутровый цвет, повсюду что-то фантастическое и чудесное. Даже крики уже видимых глазом рабочих, разговоры прохожих, появляющихся то в том, то в другом месте на набережной Невы, не в силах уничтожить чудес, сделанных туманом".²¹

Не было единого мнения о том, как влияют белые ночи на здоровье петербуржцев и у врачей. "Летние ночи наши доставляют поистине очаровательное зрелище и как нельзя более придают цены удовольствиям сего времени; они бывают столь светлы, что чрез всю ночь без свечи можно читать книгу, напечатанную мелкими литерами, – говорилось в 1820 г. в книге "Медико-топографическое описание Санктпетербурга". – Едва угаснет на чистом горизонте вечерняя заря, как уже румянит оный соседственная Аврора. В должайшие дни от 2-х часов утра до 9-ти вечера солнце совершает круг небесного течения своего, и токмо пять часов сокрыто бывает от взоров наших".²²

"Майские дни в Петербурге отличаются не столько приятностию, сколько своею долгою, – сообщалось в 1834 г. в издании "Медико-топографические сведения о С. Петербурге". – Вообще должно признаться, что весеннее время в Петербурге, а особливо до вскрытия Невы, есть и

²¹ Успенский Г. И. Нева // Петербург в русском очерке XIX века, с. 54-55.

²² Аттенгофер фон Г.-Л. Медико-топографическое описание Санктпетербурга, главного и столичного города Российской Империи. Пер. с нем. СПб. 1820, с. 87-88.

неприятное и для здоровья весьма трудное. Число занемогающих разными болезнями, преимущественно горячками: желчною, нервною и гнилою, бывает гораздо значительнее в марте, апреле и мае, нежели в другое время года”.²³

С болезнью ассоциируется белая ночь и у героя повести Тургенева “Призраки” (1864): “Северная, бледная ночь! Да и ночь ли это? Не бледный, не больной ли это день? Я никогда не любил петербургских ночей; но на этот раз мне даже страшно стало <...> Все видно кругом; все ясно, до жуткости четко и ясно, и все печально спит, странно громоздясь и рисуясь в тускло-прозрачном воздухе. Румянец вечерней зари – чахоточный румянец – не сошел еще, и не сойдет до утра с белого, беззвездного неба; он ложится полосами на шелковистой глади Невы, а она чуть журчит и чуть колышется, торопя вперед свои холодные синие воды”.²⁴

Подобное ощущение не разделяет Гаршин: “Южанин родом, я полюбил бедную петербургскую природу, белые весенние ночи, которые – к слову сказать – ничем не хуже наших пресловутых украинских ночей”.²⁵

Сквозь “призму Достоевского” (выражение Анциферова) вглядываются в белую ночь символисты, разделяя состояние героев писателя: “Но тревога поднимается во мне в такую ночь, – говорит Евгений Иванов. – Что-то полубезумное, полупророческое в этом прозрачном полусвете белых ночей и что-то блудное – блуждающее”.²⁶

“Белая ночь есть бездонное, неуловимо проникательное созерцание. – утверждает Николай Ге. – Глубочайшее в мире, обнаженно живое и стыдное — это живая ночь бытия, то, чего не знает день”.²⁷

Как утверждает путеводитель, “для привычных петербуржцев белые ночи менее чувствительны” и традиционные ночные прогулки по городу продолжались и в начале XIX века: “Петербургские лето отличается одной замечательной особенностью: здесь не бывает ночи – это так называемые белые ночи, напоминающие собою сумерки, продолжающиеся без перерыва от солнечного заката вплоть до рассвета. Как это ни странно,

²³ Медико-топографические сведения о С. Петербурге. СПб. 1834, с. 7-8; то же: Статистические сведения о Санктпетербурге. СПб. 1836, с. 35.

²⁴ Тургенев И. С. Сочинения. Москва 1981. Т. 7, с. 215.

²⁵ Гаршин Всеволод. Петербургские письма. 1882 // Он же. Третья книжка рассказов. СПб. 1896, с. 187.

²⁶ Иванов Евгений. Всадник: Нечто о городе Петербурге // Белые ночи: Петербургский альманах. СПб. 1907, с. 79.

²⁷ Ге Николай. Белая ночь и мудрость // Белые ночи: Петербургский альманах. СПб. 1907, с. 95.

но для людей не привычных такие ночи весьма утомительны, лишая их необходимого ночного отдыха. Для привычных петербуржцев белые ночи менее чувствительны, хотя установившийся склад жизни всего лучше указывает, что ночному отдыху уделяется значительно меньше времени, чем где бы то ни было в другом городе России. Оживленное движение не прерывается в течение всей ночи, а трамваи, экипажи и пассажирские пароходы действуют круглые сутки без перерыва”.²⁸

“Знаменитые “белые ночи” – лучший прекрасный цветок бледного северного климата. На нервы впечатлительных людей эти “задумчивые ночи” оказывают тревожное воздействие”.²⁹

Для художника Добужинского вид на вечернюю Неву с Литейного моста одно из ярких переживаний юности: “

Когда наступила весна, я любил делать долгие прогулки вдоль всей Невы, по набережной от Летнего сада до Николаевского моста, любясь панорамой Петербурга и белыми ночами. <...> С нашего моста вечером <...> открывалось чудесное зрелище: по всем набережным Невы тянулись бесконечные ровные цепочки фонарей, и вдали их огоньки сливались в одну тонкую нить, которая всегда дрожала и переливалась, а когда было тихо на Неве, от каждого фонаря в воду опускалась острая и длинная игла. Зрелище это меня притягивало, и веселило, и наполняло каким-то смутным чувством – я не понимал, конечно, еще всей грусти и таинственности – словом, поэзии – этой петербургской ночной красоты.³⁰

“Белые ночи – сколько о них уже сказано и писано, – вспоминает А. Н. Бенуа. – Как ненавидели их те, кто не мог к ним привыкнуть, как страстно любили другие. Но нигде белые ночи так не властвовали над умами, не получали, я бы сказал, такого содержания, такой насыщенности поэзией, как именно в Петербурге, как именно на водах Невы. Я думаю, что сам Петр, основавший свой Петербург в мае, был зачарован какой-нибудь такой белой ночью, неизвестной средней полосе России”.³¹

Белые ночи и постоянные наводнения — как предвестники гибели города, — неотъемлемая часть петербургского текста и мифа.

²⁸ Москвич Г. Практический путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностям. Одесса 1903, с. 35.

²⁹ Петербург и его жизнь. СПб. 1914, с. 15-16.

³⁰ Добужинский М. В. Воспоминания. М. 1987, с. 140, 8.

³¹ Бенуа Александр. Мои воспоминания. М. 1980. Кн. 1, с. 14.